

Золотая серия поэзии

Эльдар
Рязанов

Любовь — весенняя
страна

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
P99

Фотоматериалы предоставлены информационно-консультационным центром «Мосфильм-Инфо»,
Издательством «7 Дней».

© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильма)

© Киноконцерн «Мосфильм» (Фотографии)

В оформлении обложки использована
фотография *Игоря Бердюгина*

Иллюстрация на 4-й сторонке обложки:
Andrey Solovyev / Hemera / Thinkstock / Gettyimages.ru

Рязанов, Эльдар Александрович.

P99

Любовь — весенняя страна / Эльдар Рязанов. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Золотая серия поэзии).

ISBN 978-5-699-82873-9

Страсть Эльдара Рязанова к стихосложению давно уже ни для кого не является тайной. И хотя поначалу режиссер скромно скрывался за именами «великих», но прекрасные песни на его стихи мгновенно вышли за рамки киноэкрана и стали всенародно любимыми.

Перед вами книга стихотворений Эльдара Рязанова. В этих простых и трогательных строчках угадываются высочайшая житейская мудрость и очень чистая душа автора.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Э. А. Рязанов. Наследник, 2017
© Составление, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-82873-9

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Известно, что работа любит дураков. И я рад, что принадлежу к этой категории человечества.

Моя главная профессия — кинорежиссер. Не буду рассказывать о своих лентах. В кинематографе у меня сложилась счастливая судьба, и многие из вас, вероятно, видели немало игровых кинокартин, которые я поставил. Нормальному человеку этой иссушающей душу и тело профессии хватило бы с головой. Но мне этого показалось недостаточным, и я занялся еще и литературным трудом. Поначалу вместе с Эмилом Брагинским мы писали сценарии для кино, повести для чтения и комедии для театра, а потом я отделился и стал сочинять на бумаге в одиночку. Но двух профессий тоже оказалось маловато, я еще полез и на телевидение. Популярной программе «Кинопанорама» я отдал семь лет жизни — с 1979 по 1986 год. Да и сейчас, бывает, выпускаю на ТВ свои авторские программы. Кроме того, время от времени я преподаю на высших режиссерских курсах, и несколько моих учеников сделали удачную кинокарьеру: Ю. Мамин, И. Дыховичный, И. Фридберг, Е. Цымбал, В. Мустафаев. А если упомянуть встречи со зрителями, выступления в печати и спорадически возникающую обще-

ственную активность, то перед Вами, дорогой Читатель, предстанет образ ненасытного честолюбивого трудяги. Этот тип и в отпуск уходит только для того, чтобы набраться сил для дальнейших подвигов на ниве работы, а отнюдь не для удовольствия, не для кайфа, не для услады. А ведь помимо трудовой деятельности, существуют и домашние заботы, проблемы у близких, хлопоты за друзей, болезни и прочие житейские неприятности и, большей частью, неприятности. Поэтому главный дефицит для меня — нехватка времени. Порой приходится разрываться на куски, чтобы успеть сделать все намеченное. Конечно, я — жертва собственного характера, и в книге вы найдете немало стихов на эту тему.

А теперь о стихах...

Параллельно с многочисленными и разнообразными занятиями и обязанностями существовало во мне что-то вроде внутреннего монолога или, если хотите, стихотворного дневника. Нормального дневника — ежедневных записей о делах, мыслях и чувствах — я, к сожалению, никогда не вел, и теперь многое, что хорошо бы воскресить, забыто. И, вероятно, навсегда! Но остались стихи, в какой-то мере восполняющие этот пробел. В них фиксировалось то, что не находило себе места, да и не могло найти, в сценариях и фильмах. Кинематографу подвластно все, он может передавать любые оттенки и нюансы движения человеческой души. Но режиссер создает произведение с помощью писателя, актеров, оператора, художника, композитора. Любой фильм — своеобразный сплав дарований или бездарностей. Да, примат режиссера несомненен. Недаром ленты называют именем режиссера — фильм

Рене Клера или Сергея Эйзенштейна... И тем не менее каждая кинокартина — коллективное детище.

Наверное, мучительное желание высказаться о личном, только своим, стремление поделиться чем-то заветным, жажда исповеди и побудили меня к стихотворству. Исповедальность — то, к чему властно тяготеет каждый вид искусства. В этом смысле поэзия наиболее интимна. Превосходит ее разве что музыка. В искренности, правдивости чувств, обнажении тайников души, умении заглянуть в человеческие глубины — наверное, суть поэзии. И, конечно, при этом очень важна форма — гармония рифм, ритмов, а также сочетания, столкновения обычных, стертых слов, от которых к ним возвращается их первородное значение. Истинная поэзия всегда музыкальна, в ней существует некое звуковое волшебство... Я достаточно критически отношусь к своим поэтическим опусам, но они — мои, они выражают мои мысли и чувства и, собственно говоря, больше ни на что не претендуют.

Эта книжка — наиболее полный сборник моих стихов. Если Читателю покажется, что книжка местами чересчур грустна, то пусть он вспомнит, что жизнерадостные и веселые свойства природы я тратил в это же самое время на создание комедий для кино и театра и там, очевидно, подрастратил свой смеховой запас. Правда, и для стихов тоже кое-что осталось. Если же Читателю покажется, что книжка местами носит чересчур личный, интимный характер, то пусть он вспомнит, что гражданские взгляды были отданы мной в тот же отрезок времени кинематографу, телевидению, театру, публицистике.

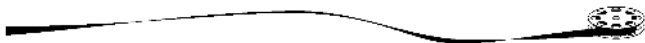
Время от времени в ткань этого поэтического сбор-

ника будут вкрапчиваться небольшие прозаические новеллы, рассказывающие о разных событиях, о судьбе стихов. В общем, то, что осталось за рамками моих поэтических попыток...

Итак, в добрый путь, дорогой Читатель!

Эльдар Рязанов

* * *

*В трамвай, что несется в бессмертье,
попасть нереально, поверьте.
Меж гениями — толкотня.
И места там нет для меня.*

*В трамвае, идущем в известность,
ругаются тоже, и тесно.
Нацелился было вскочить,
да черт с ним, решил пропустить.*

*А этот трамвай до Ордынки.
Я впрыгну в него по старинке,
повисну опять на подножке
и в юность вернусь на немножко.*

*Под лязганье стрелок трамвайных
я вспомню подружек случайных,
забытых товарищей лица.
И с этим ничто не сравнится!*

Сентябрь 1986

В детстве очень любил
читать. Был просто за-
пойманный читатель. В шко-
ле меня даже прозвали
"Ходячая энциклопедия".
Я думаю, мне здесь лет 10.

Фото молодого Рязанова. Из семейного альбома.

ДВЕ ВСТРЕЧИ С КОНСТАНТИНОМ СИМОНОВЫМ

Лет в шестнадцать я начал писать стихи. Поэтический зуд не являлся следствием каких-то особых переживаний или небывалого личного опыта. Скорее всего, причиной этому было мужское созревание, интерес к другому полу, типичные для юного возраста мысли о бренности всего земного, о быстротечности жизни. Стихи я писал, конечно, не самостоятельные. Да и откуда ей было взяться-то, самостоятельности?! Сочиняя, я невольно подражал. Что любопытно, подражал высоким поэтическим образцам в той хронологической последовательности, в какой поэты располагались в истории литературы. Начал, стало быть, с имитации Пушкина. Его стихотворные размеры, рифмы, интонации, обороты речи преобладали в самых первых моих опытах. Причем процесс подражания и смены поэтических кумиров происходил бессознательно, я им не управлял. Сначала сами собой получались стихи «под Пушкина». Через месяц-другой я принимался строчить «под Лермонтова». Разница заключалась скорее в тематике, нежели в форме. Темы стихотворений становились безысходней, тоскливей. Влияния Некрасова я почему-то избежал. Как-то случилось, что я прошел мимо его «кнутом иссеченной музыки». Зато надолго (аж месяца на два!) застрял на Надсоне.

Вот что оказалось близко невероятно — горькие, печальные строчки, которые к тому же оказались и пророческими: поэт умер двадцати трех лет. Постоянные стихотворные упражнения, кое-какой появившийся опыт давали себя знать — поэтический слух становился тоньше. Отныне моим воображением прочно и надолго завладел Сергей Есенин. 1943 — 1944 годы, война — поэт со своей кабацкой тоской был в опале. Его уже много лет не переиздавали. Книг Есенина было невозможно достать, стихи ходили в рукописных списках. Я отчетливо помню, как в 1944 году впервые проглотил «Черного человека». Эта поэма считалась особенно опасной и поэтому читали ее тайком, не распространяясь о прочитанном. Примерно так же много лет спустя — в шестидесятых, семидесятых — мы знакомимся с «самиздатом» или книгами эмигрантских издательств. Вскоре к Есенину присоединилась Анна Ахматова, на которой тоже лежала печать официального проклятия. Так что подражания стали более сложными. Стихи я писал очень неумелые, как правило, пессимистические и всегда бездарные. Но это я понимаю сейчас. Тогда же мои вирши казались мне изумительными. Каждый новичок, когда видит, что у него вроде все получается как у людей, преисполнен восхищения самим собой. Как часто молодой режиссер, глядя на свои первые экранные опыты, погружается в эйфорию. Подумать только — актеры двигаются, их видно, слышно, что они произносят, кадры склеены между собой. И у автора возникает ощущение чуда: это он смастерил кино, сделал фильм! И видно, и слышно, — словом, все как у людей! А это всего-навсего

азы ремесла, которые к искусству пока еще никакого отношения не имеют.

К сожалению, потерялась заветная тетрабочка с моими юношескими опытами. Думаю, если бы я их сейчас почитал, сильно бы потешался. Но некоторые строчки помню.

Я на земле случайный посетитель!
Зашел и вышел — мне далекий путь.
Родная! Вы такая же! Поймите!
Пока есть время, можем мы кутнуть!

Смахивает на пародию. Тут все заемное: мысли, чувства, с позволения сказать, образы. Признаюсь, я был нищ невероятно, и кутнуть мне, в общем-то, было не на что. Так что это заявление не имело под собой никакой реальной почвы. А как вам такой загиб, случайный (обожателем Маяковского я не был никогда):

— Я сегодня
не настроен
на лад философский.
Радость сжата лапою ледяною:
Я измочален
тоскою
чертовскою,
Но все равно
я пою, а не ною!

Конечно, это надо печатать лесенкой. Чтобы было совсем как у Владимира Владимировича.

Я был плодовит, и вскоре у меня образовалась довольно толстая тетрадка стихотворений. Приятелям они, естественно, нравились, но я жаждал услышать профессиональное мнение из уст какого-нибудь знаменитого поэта. Самым знаменитым поэтом в 1944 году был, конечно, Константин Симонов.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди...

...Так убей же его хоть раз,
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!..

Если был в те дни поэт, рожденный военным временем и наиболее полно выразивший это время, — конечно же, это был Константин Михайлович. Ему тогда исполнилось 30 лет, если вдуматься, совсем молодой человек. В стране, пожалуй, нельзя было найти жителя, который не знал бы имени Симонова, его стихов, его любви к Валентине Серовой, не любил бы мужской интонации его стихотворений.

На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми врывались в города...

Конечно, стихи надо было показывать ему и только ему. И я принялся за поиски. Не помню уж, каким способом (никаких знакомств в мире литературы и искусства у меня не было!) я раздобыл номер его телефона. И вот я начал регулярно названивать по этому номеру, пока наконец, на седьмой или на десятый день, не откликнулся мужской картавый голос. Это был Симонов. Я объяснил, кто я такой, рассказал, что только окончил десятый класс, пишу стихи, и мне очень хочется показать их ему. Без особого сопротивления Симонов согласился почитать мои опусы. Сейчас я поражаюсь, как это он не увильнул и не отфутболил меня в редакцию какого-нибудь толстого журнала. Может быть, ему была еще внове его неслыханная популярность. Может быть, во время коротких визитов

в Москву с линии фронта и из других поездок его еще не допекали многочисленные графоманы. Не знаю. Об этом можно только гадать. Короче, Константин Михайлович сообщил мне адрес, и я понес ему свою заветную тетрадочку. Жил Симонов в ажурном, «кружевном» доме, что напротив нынешней гостиницы «Советская» на Ленинградском проспекте. Там у него, по-моему, была одна комната в коммунальной квартире. Я вручил ему стихи. Мне велено было явиться через неделю.

Через неделю — это была середина лета 1944 года — шел к Симонову от метро «Белорусская». Может быть, у меня в памяти спутались два события, а может, так и было, но в тот день по Ленинградскому шоссе по направлению к центру вели нескончаемую колонну пленных немцев. А я шел навстречу мимо небритых, оборванных, поникших, побежденных фашистов, шел к самому знаменитому поэту нашей страны — первому читателю моих — я в этом был уверен — замечательных стихов. Близился конец войны. Я намеревался поступать в Одесское мореходное училище. Короче, победные трубы гремели в моей душе.

Разговор со знаменитым поэтом оказался кратким. Симонов был учтив, но тратить много времени на меня почему-то не пожелал. Он призвал меня к самостоятельности, сказал, чтобы я перестал подражать другим поэтам, высказал новую для меня в то время мысль, что стихи должны быть неповторимыми и выражать личность автора. А я тогда даже не подозревал об этой истине. Заинтересованности во мне он не проявил никакой и быстро выпроводил за дверь, не забыв всучить обратно мою бесценную рукопись. Но Симонов